

Глава 4. Принятие брака

Лю Цуйхуа подпрыгнула на месте:

— Да ты что несёшь! Бросить нормальную девушку и выбрать полуживого больного — ты с ума сошёл?!

Этот больной — всего лишь нелюбимый внебрачный сын семьи Сун. Там о нём никто не заботится. Взять его в дом — никакой выгоды, только, глядишь, ещё и на гроб тратиться придётся. Только дурак пойдёт на такую убыточную сделку!

Но Лю Ху упрямылся, как осёл. Сколько бы Лю Цуйхуа ни кричала и ни причитала, он стоял перед Сун Тинчжу, словно врос в землю.

Разозлившись, что внук идёт против неё ради какого-то больного, Лю Цуйхуа указала на кашляющего позади и стала ругаться ещё громче.

Семья Лю Дашэна тоже не избежала её брани.

Старая женщина хлопала себя по бёдрам и причитала, что старший сын неблагодарен. Если бы она знала, то отдала бы этот брак второй ветви — Сифу.

Сифу с детства был смыслёным, семья Сун непременно осталась бы довольна, да ещё, глядишь, дала бы сотни или тысячи лян серебра в приданое, отправив старшую госпожу с большим размахом!

Сваха Цзян закатила глаза так, что чуть не ушли под лоб.

«Тьфу! Мечтают о журавлином мясе, да только сами на него не годятся», — подумала она.

Она ведь только что видела Лю Сифу — тот выглядел, как тыква. По сравнению с Лю Ху он и рядом не стоял. Даже если бы семья Сун обеднела, такого они бы не выбрали.

Люди вокруг зашептались:

— Не сошла ли Лю Цуйхуа с ума? Думает, что её внук — сокровище, за которым все гоняются?

— Как будто сын второго Лю — единственное сокровище, а у старшего и третьего их нет.

— И правда, она всегда благоволит второму сыну. Когда делили хозяйство, семье Лю Дашэна не досталось ни клочка земли — только старая глиняная хижина. Третьему вообще ничего не дали, только пятьдесят монет на дорогу. Разве так поступает мать?

— В деревне давно ходят слухи, что Лю Дашэн и Лю Лаосань ей вовсе не родные.

Вся свадебная трапеза превратилась в беспорядок, и лицо семьи Лю становилось всё более мрачным. Лю Ху ещё сильнее разозлился. Видя, что Лю Цуйхуа продолжает ругаться, он схватил метлу у стены и грубо сказал:

— Уходите! Здесь вам не рады!

Лю Цуйхуа сначала опешила, а потом разразилась ещё более яростной бранью:

— Бунт! Настоящий бунт! Внук поднимает руку на бабуку — неблагодарный, его молния должна

поразить! Старший! Старшая невестка! Вот какого сына вы воспитали — неблагодарного! Пусть молния поразит всю вашу семью!

— Мать... — лицо Лю Дашэна было полно разочарования.

Когда-то он ещё надеялся на мать, но теперь его сердце окончательно остыло.

— Мы разделились двадцать лет назад, с какой стати мой сын должен быть вам почтителен?! — грудь Жуань Сюлянь тяжело вздымалась.

Обычно она терпела ругань свёкров, но сегодня — день свадьбы её сына. Даже с подменой можно было разобраться тихо, но старая женщина вынесла всё на всеобщее обозрение, намеренно выставляя их на посмешище!

Лю Цуйхуа ткнула в неё пальцем:

— Невестка не уважает свёкров — первая под удар молнии!

Даже глиняная кукла имеет терпение, и у Жуань Сюлянь оно уже закончилось:

— У меня совесть чиста, молнии не боюсь. Пусть она бьёт того, кто виноват.

Лю Цуйхуа задрожала от злости:

— Ты!.. Старший, ты что, умер? Почему не проучишь эту...

— Хватит! — перебила её Жуань Сюлянь. — Мэнцзы, твои дед и бабка старые — проводи их домой отдохнуть. А ты, второй брат, мы вас не приглашали. Ху-цзы, проводи гостей!

Лю Эршэн, привыкший опираться на родителей, не принимал всерьёз старшего брата и невестку. Он уже собирался устроить скандал, но вдруг увидел, как Лю Ху поднял огромный кувшин с водой, почти в человеческий рост, и с грохотом разбил его о землю.

Осколки разлетелись, и Лю Цуйхуа, стоявшая рядом, едва не пострадала. Она в страхе втянула голову и замолчала.

Лю Ху бросил свирепый взгляд на семью второго дяди.

Лю Эршэн, увидев этот взгляд и разбитый кувшин, побледнел, ноги у него задрожали, как решето. Он сглотнул и больше не осмелился говорить, поспешно уведя свою семью.

Когда Лю Цуйхуа ушла, во дворе воцарилась тишина.

Вот оно!

Все затаили дыхание, ожидая, как же семья Лю поступит с этой подменой.

Жуань Сюлянь не стала разгонять людей. Раз уж всё раскрылось, пусть лучше свидетели останутся — тогда потом не будет лишних слухов.

Тан Чуньсин, жена Лю Мэна, увидев, что свекровь молчит, решила, что та склоняется к принятию брака, и поспешно сказала:

— Мама, вы не должны путаться. Второй молодой господин семьи Сун слаб здоровьем — как

мы его содержать будем?

От него уже пахло лекарствами — наверняка каждый день придётся варить отвары. Семья и так влезла в долги, чтобы женить второго сына. А держать в доме больного, да ещё и нелюбимого — это безнадёжное дело.

Она закатила глаза и тихо добавила:

— Второй брат ещё молод, нельзя губить его жизнь на больного. Этот молодой господин такой слабый — кто знает, сможет ли он вообще иметь детей. А если нет, разве второй брат не останется без потомства?

Она решила давить на самое больное — на детей.

Для Жуань Сюлян это действительно было слабым местом. Услышав, что сын может остаться без наследников, её лицо стало ещё мрачнее.

Она обратилась к свахе Цзян:

— Расторгайте помолвку. Нашей семье Лю не по силам родниться с семьёй Сун. Забирайте человека обратно, мы вернём все подарки. А Сун Синъань должен дать объяснение за подмену. Мы не навязывались. Если он не хочет этого брака — пусть откажется честно. Зачем прибегать к таким уловкам?

Сваха Цзян, вытирая ногти платком, безразлично ответила:

— Я всего лишь доставила человека. К тому же обряд уже завершён. Кто знает, что ваш сын сделал с нашим вторым молодым господином? Наш хороший юноша вышел замуж в вашу семью, а вы на следующий день хотите его вернуть? Как он потом людям в глаза смотреть будет?

На лбу Лю Мэна вздулись вены:

— Клевета! Мой брат даже пальцем не тронул вашего господина!

Сваха Цзян усмехнулась:

— Говорите, не тронул? Тогда давайте отправимся в уездный город и пусть судья разберётся.

Это была явная угроза, и у всех перехватило дыхание.

Обычные деревенские семьи никогда даже уездного магистрата не видели, не говоря уже о префекте. Услышав, что семья Сун имеет связи в префектуре, они тут же потеряли интерес к зрелищу. Вскоре толпа начала расходиться.

Семья Лю осталась кипеть от обиды, не находя выхода своему гневу, лица у всех стали мрачными.

В этот момент сваха Цзян вдруг переменила тон, похлопала Жуань Сюлян по руке и заговорила так, словно обращалась к близкой сестре:

— Сестрица, скажу тебе от сердца. Семья Сун — влиятельная, не нам, простым людям, с ними тягаться. Если ты хочешь объяснений, с их положением в уездном городе ты даже в городские ворота, скорее всего, не попадёшь. К тому же брак уже заключён. Даже если не хочешь —

придётся проглотить.

Жуань Сюлянь дрожала от злости, но понимала, что не может тягаться с семьёй Сун, и ей оставалось лишь проглотить обиду, как и сказала сваха Цзян.

Успокоив семью Лю, сваха Цзян и её люди быстро покинули деревню Юньси.

Было уже поздно, двор семьи Лю погрузился в кромешную темноту, и лишь из кухни пробивался слабый свет.

Жуань Сюлянь взглянула на приготовленные блюда и нахмурилась. Уже собираясь попросить старшую невестку отобрать скоропортящуюся еду и поесть, она вдруг услышала глухой звук — её только что выданный замуж зять рухнул!

Среди шума этот звук будто донёсся издалека, глухо и неясно.

В затуманенном сознании Сун Тинчжу с трудом моргнул, но сил открыть глаза у него всё равно не было. Он беспомощно лежал, а резкие голоса били по ушам.

— Он уже в таком состоянии, зачем ещё звать врача? Лучше накормить его чем-нибудь хорошим, пусть второй зять хоть несколько дней поживёт спокойно и меньше страдает. К тому же семья из-за свадьбы второго брата уже в долгах — откуда деньги на врачей и лекарства?

Тан Чуньсин не то чтобы не хотела лечить, но раз он кашляет кровью — какой смысл? Только деньги на ветер.

Лю Мэн нахмурился и строго сказал жене:

— Что ты несёшь! Второй брат его принял — значит, он теперь семья, наш зять.

Жуань Сюлянь колебалась, держа в руках кошелёк с монетами.

Слова старшей невестки были грубыми, но в них была правда — денег в семье действительно почти не осталось. Но это же жизнь человека. Раз он стал мужем её второго сына, как можно просто смотреть, как он умирает? К тому же пока он жив — нельзя говорить, что лечить его не стоит.

— Лечить! — сквозь зубы сказала Жуань Сюлянь. Она отсчитала двадцать медных монет и передала их второму сыну.

Лю Ху взял деньги и как ветер вылетел со двора. Не прошло и четверти часа, как он вернулся с босоногим лекарем из деревни.

Старый лекарь, уже в возрасте и с больными ногами, был буквально принесён на спине Лю Ху. Тот бежал так быстро, что едва не растряс старика до костей.

Доктор Лян сначала был недоволен, но, увидев на свадебной кровати едва дышащего человека, тут же посерьёзней, осмотрел его и, поглаживая бороду, покачал головой.

— У зятя Ху-цзы врождённая болезнь, её не вылечить. Чтобы выжить, ему нужно постоянно поддерживать организм лекарствами.

Сердце Тан Чуньсин упало:

— То есть лекарства нужны каждый день, без перерыва?

Доктор Лян кивнул.

Тан Чуньсин разрыдалась:

— Такая жизнь — это мучение. Завтра я заберу Ся гэра к родителям. Пусть и терпеть придётся взгляды братьев и сестёр, но там хоть горячая еда будет...

Жуань Сюлянь раздражённо поморщилась и с кислым лицом сказала:

— Иди сегодня же. Пусть Мэн-цзы тебя проводит. Не надо тут оставаться и есть с нами отруби да сорную траву.

Услышав, что свекровь разозлилась, Тан Чуньсин отступила за мужа, всхлипывая и больше не смея возражать.

Она просто жаловалась — уходить всерьёз не собиралась. Женщины после замужества не так просто возвращаются в дом родителей, только по праздникам. Она недавно уже была дома, и такой скорый уход точно вызвал бы пересуды.

Тем временем доктор Лян, убирая свой ящик, понял, что семья Лю стеснена в средствах, и денег за осмотр не взял.

Перед уходом он доброжелательно напомнил:

— Если не поможет, можете обратиться в городскую лечебницу. Тамошний лекарь, может, и сумеет помочь.

Проводив доктора Ляна, Тан Чуньсин снова не удержалась от жалоб:

— Мама, я не то чтобы бессердечная и не хочу лечить второго брата, но нужно думать о семье. Доктор Лян — одно дело, он простой деревенский лекарь, его лекарства дешёвые. А городская лечебница — другое. Один рецепт стоит четыре-пять монет, а в месяц это уже сотня с лишним — почти как заработок Мэнцзы за работу!

Кашель-кхе...

Сун Тинчжу не выдержал зуда в горле и закашлялся.

Комната мгновенно стихла.

И тут Лю Ху, до этого молчавший, нахмурился и сказал:

— Я сам заплачу за лекарства. Считайте это долгом перед матерью. Завтра поеду в город искать работу.